

«Семнадцать километров мы шли маршем через границу»

11 ноября 2014 года 12:31 | [Сергей Шаргунов](#) Текст Фото Видео

Игорь Стрелков отвечает на вопросы Сергея Шаргунова

Тема: [Сводки с Донбасса](#)

Сергей Шаргунов: Игорь Иванович, что будет дальше с Донецкой и Луганской республиками? Они состоятся или их ждет совсем непонятное будущее?

Игорь Стрелков: Я очень надеюсь, что они будут, несмотря на все препятствия и крайне тяжелое положение, в котором сейчас находятся. Я надеюсь, что Новороссия состоится. И состоится в качестве единого союзного с Россией государства.

С.Ш.: Была «русская весна», так называли тогда происходившее. По сути, бескровное соединение Крыма с Россией. Было «русское лето» - множество убитых в Донбассе. Сейчас надвигается «русская зима». Донбасс может оказаться в условиях настоящей гуманитарной катастрофы. Это так?

И.С.: Он уже в состоянии гуманитарной катастрофы. Особенно в районах, которые находятся в прифронтовой зоне. Ведь когда мы говорим о том, что сейчас происходит в Донбассе, надо не забывать, что идет война. После так называемого минского перемирия, которое было только на бумаге и было выгодно только украинской стороне - никак не Донбассу и никак не России - после этого ни одного дня не было спокойствия на фронтах. А сейчас, когда украинская сторона фактически открыто отказалась от условий минского перемирия, так там вообще отчаянное положение. Донецк обстреливается так, как он не обстреливался до Минска. Непрерывные жестокие обстрелы. Обстрелы всех остальных населенных пунктов. Фактически вся территория Донецкой и Луганской республик простреливается насквозь за исключением совсем уж глубоких городов типа Антрацита.

С.Ш.: После вашего отъезда вы получаете информацию, что происходит?

И.С.: Естественно.

С.Ш.: У вас есть надежные контакты там?

И.С.: Я получаю ежедневно информацию по электронной почте и по телефону. Я не скажу, что мне докладывают командиры и политические деятели, которые там действуют, поскольку я не являюсь сейчас их начальником, но они считают своим долгом поставить меня в известность о том, что происходит.

С.Ш.: Как вы считаете, насколько возможно возобновление полномасштабной войны?

И.С.: Так, собственно, и идет полномасштабная война. Единственное, она носит позиционный характер.

С.Ш.: Я имею в виду движение танков и прочее...

И.С.: Она неизбежна, просто неизбежна. Украинская сторона никогда не скрывала, даже в дни минского перемирия, намерения вернуть Донбасс под свою диктатуру. И будет это реализовывать. А после этого будет Крым. И все наши политики, которые говорят всерьез о каких-то соглашениях, о перемирии с украинской стороной, откровенно лгут. В первую очередь, я считаю, лгут те, кто ответствен за эти минские соглашения. Они прекрасно знают, что украинская сторона никогда не смирится, до военного разгрома своего, с отделением Новороссии. Но они сознательно лгут, исходя из своих тактических интересов, которые не имеют ничего общего с интересами России и Новороссии.

С.Ш.: Во время славянской осады вы превратились в символ. И по-прежнему остаетесь человеком-легендой для многих. Вы были готовы к этому?

И.С.: Абсолютно нет. Более того, в мои планы совершенно не входила никакая публичная известность. Допустим, когда начиналась славянская эпопея, я планировал сделать все как в Крыму, и надежда была, что все будет по крымскому сценарию. То есть планировалось помочь местным лидерам и ополченцами установить народную власть, провести референдум, присоединиться к России, а это было нашей общей целью и их целью в первую очередь. Которую им никто не навязывал, это было их искреннее желание. И после этого также, не выходя из тени, исчезнуть оттуда, как и из Крыма.

С.Ш.: Про Крым я еще спрошу. А как вы сейчас ощущаете эту известность? Она вас тяготит, что-то в вас самом поменялось?

И.С.: Вначале, когда возникла острая необходимость и, скажем так, мне решительно порекомендовали засветиться, я ощущал очень большое неудобство, колоссальнейшее неудобство, поскольку в течение всей своей службы я привык к непубличности. Я привык действовать, принимать решения, и очень ограниченный круг людей знал о моей предыдущей службе, о том, в каких операциях я участвовал, о подробностях этих операций. Соответственно, было крайне неудобно, но сейчас я, немножечко привык к вниманию прессы. Более того, иду на контакты с прессой. Я осознаю необходимость этого не в целях самораскрутки или пиара, а в целях и интересах движения.

С.Ш.: Движение называется «Новороссия»?

И.С.: Да, движение «Новороссия», которым мы надеемся объединить все негосударственные общественные силы, которые реально хотят помогать Новороссии, скоординировать их деятельность, чтобы она приносила наибольший эффект.

С.Ш.: Речь прежде всего о гуманитарной поддержке?

И.С.: Речь полностью о гуманитарной поддержке. В первую очередь мы собираемся оказывать помощь снаряжением, обмундированием, продовольствием - всем небоевым снабжением. Второе - поддержка самих ополченцев и членов их семей, которые находятся не в самом лучшем положении. И очень важный сектор - это помощь раненым, которая крайне недостаточная. Более того, Донецкая и Луганская республики не имеют возможности оказывать реальную помощь. Хотя раненые после лечения, особенно

увечные, оказываются в отчаянном положении - не получают ни пенсий, ни довольствия, ничего. Соответственно, на территории России, они тоже не имеют никакого статуса, большинство из них лечатся здесь, и мы стараемся взять на себя как можно больше помощи людям, которые защищали Россию и отдали очень многое для ее защиты. Наконец, помощь семьям погибших. И еще одна составляющая - информационная. Все-таки мы от нее не отказываемся. Мы считаем, что поддержка идеи Новороссии крайне необходима. У нас пытаются заболтать вообще проблему существования Новороссии и сделать вид, что население Донецкой и Луганской областей поднялось, для того чтобы выторговать себе некие права. Неправда - население Донецкой и Луганской областей поднялось за присоединение к России. И когда Россия отказалась по ряду внешнеполитических соображений от их присоединения по крымскому образцу, они, скрепя сердце, стали сражаться за свой суверенитет. За суверенитет в союзе с Россией.

С.Ш.: В ваших планах нет возвращения туда?

И.С.: На данный момент возвращение мое туда невозможно. И более того, нецелесообразно. Могу пояснить почему. Понимаете, в той ситуации, которая сложилась, моя фигура является неприемлемой для Киева. Пока идут эти бессмысленные переговоры с Киевом, пока газовая составляющая важнее, чем судьбы миллионов русских, мое возвращение невозможно... Оно будет воспринято так называемыми партнерами крайне негативно. Кроме того, сейчас во главе обеих республик люди, которые не очень хорошо воспримут мое возвращение. Хотя бы потому, что очень большое недовольство существует в ополчениях и Луганской и Донецкой республик, и мое появление там в любом качестве, даже рядовым, может стать магнитом, который будет притягивать всех недовольных. Во-первых, я сам этого не хочу, во-вторых, я считаю, что это деструктивно, каковы бы ни были лидеры. Плотницкого я не знаю, Захарченко я знаю достаточно хорошо. Он храбрый командир.

С.Ш.: Вы с ним познакомились уже там?

И.С.: Да, в Донецке.

С.Ш.: То есть уже после Славянска?

И.С.: Да, конечно. В Славянске он не был. Но его некоторые решения, и в первую очередь подписание минских соглашений, я расцениваю негативно. Тем не менее, я считаю, что в условиях боевых действий недопустима никакая оппозиция, тем более вооруженная. Понимая, что мое возвращение в Донецк вызовет образование данной оппозиции и ситуацию двоевластия, я, конечно, туда без каких-либо полномочий вернуться не могу.

С.Ш.: Почему ушли?

И.С.: Была сделана ставка на якобы мирное урегулирование, ошибочная ставка, на мой взгляд, и ошибочность эта видна, по-моему, просто невооруженным глазом. В связи с этой ставкой мое пребывание было признано нецелесообразным. И в том числе, не скрою, это производилось путем определенного шантажа и прямого давления - путем прекращения поставок помощи с территории России. Я об этом говорю открыто. Единственное, что хочу сказать, что не сопротивлялся достаточно сильно, потому что я все-таки российский офицер запаса и ощущаю долг перед страной. Даже если не согласен с каким-либо решением политического руководства России, я все равно должен его выполнять.

С.Ш.: Вы постоянно находились на грани гибели, потому что Славянск обстреливали, а город был в плотном кольце. Каково жить рядом со смертью?

И.С.: Знаете, для меня эта военная кампания пятая по счету. И, пожалуй, она была самой безопасной из всех предыдущих, именно для меня как для индивидуума, как для живого существа. Потому что я командовал достаточно большим подразделением, потом уже соединением, потом я руководил армией, если это можно назвать армией - это какая-никакая армия. Большую часть времени я проводил в штабе. Конечно, я выезжал на позиции, в том числе во время активных боевых действий, во время обстрелов... Но сказать, что я проявил какой-то супергероизм в качестве именно бойца, я не могу. Вопрос в другом: для меня более тяжелым было ощущение огромной, колоссальной ответственности. Вот это действительно

изматывало намного больше, нежели ощущение физической опасности. Я понимал, что отвечаю за судьбы тысяч и тысяч.

С.Ш.: За вашу голову назначали суммы. Были и есть те, кто заинтересован вас устранить.

И.С.: Сами понимаете, какой бы получила украинская сторона козырь, если бы меня, допустим, поймали и доставили в Киев или Гаагу. Современная химия позволяет сломать волю любого человека независимо от того, хочет он или не хочет. Времена, скажем так, краснодонцев, молодогвардейцев прошли. У немцев не было таких средств, которые разработаны сейчас. В этой связи, я представляю даже определенную опасность как секретоноситель, если можно так выразиться.

С.Ш.: Много секретов знаете?

И.С.: Конечно. А что касается личного, то есть сохранения жизни, меня это в меньшей степени волнует. Я считаю, что каждому человеку что предписано, то предписано... Скажем так, кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Главное - делать, что должен, и будь, что будет. В данном случае этот принцип (кто-то его приписывает китайским мудрецам, кто-то императору Диоклетиану, кто-то Марку Аврелию) наиболее правильный, а для военного времени особенно.

С.Ш.: Что вас поддерживало в войне?

И.С.: Меня, конечно, поддерживала вера. Без веры, без понимания, что Бог нам реально помогает, а я лично уверен, что Бог нам помогал, потому что некоторые вещи невозможно объяснить рационально, без этого мы бы не выстояли.

С.Ш.: Случались чудесные ситуации?

И.С.: Да сколько угодно... Сплошь и рядом. Чудесно хотя бы то, что нас не уничтожили в первые дни. Чудесно то, что все планы противника по нашему уничтожению, срывались. Чудесно то, что мы, особенно в Славянске, при минимальных потерях наносили противнику несоизмеримо больший ущерб. Если посмотреть в ретроспективе на оборону Славянска - с несколькими десятками вооруженных людей противостоять всему государству Украина, пусть оно и находилось в состоянии развала и анархии, но все равно государство и силы его несоизмеримы – это чудо. Они нас могли передавить просто как мух. Но такого не произошло из-за какого-то стечения обстоятельств, которые имеют, наверное, каждое по отдельности рациональное объяснение.

С.Ш.: Войны в Приднестровье и на Балканах, где вы были, и эта война - что между ними общего?

И.С.: Все это гражданские войны. Воюют люди, которые говорят на одном языке. Идеологическое разделение, не национальное. В Боснии это религиозное разделение. Но воюют братья...

С.Ш.: Приднестровье все-таки сражалось за русский язык, нет?

И.С.: Да, но в подразделениях, которые воевали против кишиневских формирований, были и молдаване, и украинцы, и русские. Был весь интернационал. Были и гагаузы. С той стороны тоже, кстати, были русские. Допустим, нам в Бендерах противостоял отряд полиции особого назначения – ОПОН. Там русских было достаточно много, которые еще с советских времен служили в ОМОНе и автоматически стали ОПОНовцами, и автоматически поехали подавлять своих братьев. Хотя, конечно, там тоже на знаменах у кишиневских войск был радикальный национализм - причем даже не молдавский, а румынский.

С.Ш.: Крым ваших рук дело?

И.С.: Я принимал участие в мероприятиях, но сказать, что это моих рук дело – я, конечно, не могу. Там моя роль была достаточно скромной, хотя в некоторых вопросах немаловажной.

С.Ш.: Я помню, как прилетел туда в конце февраля и наблюдал, каким авторитетом вы там пользовались. У меня сложилось впечатление, что вы разруливали дела.

И.С.: Я вначале принимал достаточно серьезное участие. Потом, по мере того, как ситуация развивалась, я отошел в тень и занимался просто формированием роты специального назначения, потом батальона специального назначения. И содействием российским войскам.

С.Ш.: А в каких числах вы оказались в Крыму? Когда все началось? Сразу после майдана?

И.С.: За двое суток до начала всего.

С.Ш.: То есть вот, когда поднялся Севастополь...?

И.С.: Я уже находился в Крыму.

С.Ш.: И вы видели происходившее своими глазами?

И.С.: Я руководил занятием аэропорта в Симферополе. Потому что там была нерешительность определенная. Поэтому приходилось, что называется, быть играющим тренером.

С.Ш.: А вы наблюдали столкновение между русскими активистами и крымско-татарскими активистами?

И.С.: Нет. Непосредственно не наблюдал.

С.Ш.: Но уже были там?

И.С.: Да, я был там.

С.Ш.: Вы знали до этого Сергея Аксенова?

И.С.: Да, знал. Я с ним познакомился во время принесения даров волхвов. В Симферополе, он тогда произвел на меня очень хорошее впечатление, очень серьезное. Он харизматичный человек. Когда его обвиняют в каких-то грехах прошлого, я могу сказать: вот это человек, который способен подняться над своим прошлым, способен развиваться – и это однозначно. Он очень умен, энергичен. Обладает всеми качествами крупного политического лидера, и я надеюсь, что Крым это не последняя ступенька в российской государственной службе, которую он занимает. Большая трагедия, что в Донецке не было такого человека. Когда я входил на территорию Донецкой области, я надеялся, что смогу найти вот такого же лидера и стать при нем советником, то есть повторить то, что было в Крыму.

С.Ш.: Это вы нашли Аксенова?

И.С.: Знаете, есть разные мнения по данному поводу. Дело в том, что Сергей Валерьевич, общался с очень многими людьми, в том числе он общался и со мной.

С.Ш.: Вы сразу из Крыма поехали в Донбасс?

И.С.: Ну, в общем, да. На одни сутки побывал в Москве. После этого вернулся в Крым и где-то через неделю, или через десять дней, отправился.

С.Ш.: У вас было много человек?

И.С.: Пятьдесят два человека.

С.Ш.: Что стало с этими людьми?

И.С.: Кто-то погиб. Погибло довольно много людей. Я думаю, что не меньше четверти из них погибли или получили серьезные ранения.

С.Ш.: А кто эти люди?

И.С.: Большинство граждане Украины. Много крымчан. Россиян было, может быть, процентов двадцать. То есть тот же Моторола.

С.Ш.: То есть Моторола тогда приехал?

И.С.: Моторола вместе с нами переходил границу. В Крыму я его отобрал из числа добровольцев, которые переходили к нам из других подразделений и крымского ополчения.

С.Ш.: Как получилось так быстро из пятидесяти человек вырасти целому войску?

И.С.: Сразу отвечу на тот вопрос, который должен последовать за этим. Почему Славянск? Когда мы перешли границу, у нас не было четкого определенного плана, куда нам идти. Я понимал, что с такой небольшой группой идти на Луганск или на Донецк не имеет смысла. Это города-миллионики, в которых пятьдесят человек утонут просто. Растворятся без видимого эффекта. Сразу мной была поставлена задача для себя – найти какой-то средней величины населенный пункт. С одной стороны, достаточно значимый, с другой стороны, в котором мы сможем быстро установить народную власть. Власть, поддержанную народом. А не просто захватить... Это для украинской стороны выгодно и удобно рисовать нас террористами... Люди из местных нас встречали. Заранее, с машинами. То есть когда мы пешком вышли к трассе, нас там уже ждали.

С.Ш.: А вы переходили пешком?

И.С.: Пятнадцать-семнадцать километров мы шли маршем через границу. И вышли в условленном месте, которое заранее было подобрано теми, кто нас встречал. Соответственно был задан вопрос: где тот населенный пункт, в котором мы получим массовую поддержку? И назвали Славянск. Я посмотрел на карту. Конечно, это было далеко. Но выбирать особо не приходилось. Мы поехали в Славянск. Уже к моменту прибытия нас ждали около трехсот активистов, готовых к любым действиям вместе с нами. Сразу мы соединились с этой группой и пошли на штурм УВД. Через два часа мы взяли УВД, еще через час после этого – СБУ. Тогдашняя городская управа придерживалась нейтральной позиции, мы ее заняли без боя. Соответственно, к обеду весь город был в наших руках. Тем запасом оружия, которое было в УВД, вооружились местные добровольцы. Нас сразу стало где-то около 150 человек. И уже через два дня я выделил и отправил группу Терца, 28 бойцов, для занятия Краматорска. Что он, собственно говоря, проделал.

С.Ш.: То есть Славянск стал для вас точкой сборки?

И.С.: Славянск стал точкой, с которой мы начали распространять народную власть на территории республики. Население нас целиком поддерживало. Подавляющее число жителей Славянска открыто выражали нам свою симпатию. Они, правда, полагали, что мы - так называемые «зеленые человечки», поскольку одеты мы были в одинаковую униформу, примерно одинаково вооружены и достаточно хорошо снаряжены - за свой счет, естественно. И люди с большой радостью нас принимали. Они считали, что все повторяется как в Крыму.

С.Ш.: Москва вас не посылала туда?

И.С.: Нет, конечно.

С.Ш.: Каких размеров достигло войско Славянска и за какие сроки?

И.С.: До оставления Славянска в самом городе было тысяча двести штыков плюс там триста-четыреста военнослужащих, но тыловики, потому что у нас было много молодежи, много женщин, много стариков, которые не могли нести службу в окопах, в активных боевых действиях. Где-то четыреста бойцов было к тому времени в Краматорске. Краматорский гарнизон нам подчинялся. Где-то пятьдесят человек в Дружковке. И около сотни в Константиновке. На николаевском и ямпольском направлении был батальон, около двухсот человек. В общей сложности получалось больше двух тысяч бойцов. А когда из Донецка я уезжал, славянская бригада вместе с присоединившимися подразделениями насчитывала примерно пять, пять с половиной тысяч человек. По спискам вообще было под десять тысяч, но немало тыловых подразделений, гуманитарных и снабженческих. С учетом того, что формирование происходило на коленке, при отсутствии специалистов и нормальной базы, трудно было вести точный учет людей. Но я

знал численность самых боевых батальонов, которыми маневрировал, до человека.

С.Ш.: Каков процент среди ополчения местных людей?

И.С.: Девяносто процентов. Как было, так и осталось. Вот, допустим, в славянской бригаде процент россиян был вообще очень невелик. Всех, кто ехал к нам, перехватывали по дороге. Кого-то в Луганске **Болотов**, кого-то перехватывал **Ходаковский**, кого-то **Захарченко**. Я бы на их месте, наверное, то же самое бы делал. Усиливали свои подразделения. Славянск находится на уступе. К тому же он, начиная со второго мая, находился в полукольце. С каждой неделей это кольцо сжималось, и уже в конце июня мы находились в полном окружении и снабжались по единственной дороге, которая после падения Николаевки, была перерезана.

С.Ш.: Сил не хватало?

И.С.: Представьте себе осажденный город, где не хватает ничего. Не хватает оружия, не хватает боеприпасов. Где огромное количество людей стоит на баррикадах просто безоружными или с охотничьими ружьями. Город большой, с большим населением. Он со всех сторон обложен превосходящими во много раз силами противника. При этом город является центром сопротивления, которому подчиняется еще целый ряд других городов, защищенных еще хуже. Каждый человек на счету. Каждая гривна на счету. Каждый ящик патронов. Каждый грузовик. Каждая канистра бензина. Не хватает всего. Не хватает в первую очередь людей, организаторов.

С.Ш.: У вас сейчас есть какие-то сведения о происходящем в Славянске?

И.С.: Знаю, что на последних выборах в Раду, явки практически не было.

С.Ш.: Расстрел мародеров. Это были люди, заслуживающие такой кары?

И.С.: Заниматься расстрелами в условиях военных действий незаслуживающих людей может только маньяк. Удобно изображать из меня маньяка. Тем более что биография способствует, наверное. Я очень осторожно относился к человеческим жизням, как ополченцев, так и местного населения, всех... Но в условиях боевых действий, когда город на осадном положении, проявлять псевдогуманизм, значит, умножать жертвы. Проявить слабость иногда означает дать повод другим преступникам чувствовать безнаказанность. Единственная возможность, которая у меня была, поступать каким-то образом законно. А соблюдать законность на войне, в условиях несоблюдения законов крайне проблематично. Поскольку ни законы Украины, ни законы России вообще не предусматривают понятие «военное осадное положение», мне пришлось обратиться к единственному, самому близкому по времени указу от 22 июня 1941 года Комитета Обороны «О создании военных трибуналов». У нас все суды проводились по решению трибунала. Не все приговоры были обвинительными - были прецеденты, когда подсудимых оправдывали. Но действительно, мы расстреляли нескольких мародеров. Или эпизод, когда был казнен член Правого сектора, который в Краматорске ножом зарезал ополченца на баррикаде. Специально приехал в Краматорск, чтобы совершить убийство одного из сепаратистов, как он считал, одного из москалей. После этого он был схвачен. И после суда приговорен к смерти.

С.Ш.: Насколько было гуманным обращение с пленными в Славянске?

И.С.: Военнопленные, какие у нас были, их кормили точно так же, как солдат ополчения. Из одного котла. Я не мог, конечно, проследить за всем, но знаю, что никто с голоду не умер, никто от болезней не умер. Никто не был убит без суда. Были уничтожены несколько групп диверсионных. Но они были уничтожены в ходе боя, и я не сомневаюсь, что это было правильно.

С.Ш.: Вы знаете, что сейчас в условиях войны высокой степени достигает криминализация жизни в Донбассе. Вам удалось справиться с бандитизмом в Славянске?

И.С.: В Славянске – да. В Донецке у меня было для этого слишком мало времени и, кроме того, существовало очень много центров силы, которые или мне не подчинялись, или подчинялись частично, или подчинялись на особых условиях. Поэтому в Донецке мне не удалось навести такой порядок, какой у

меня был в Славянске и в Краматорске.

С.Ш.: Как быть с растерянностью людей? Они погрузились в кошмар.

И.С.: Нужен порядок. Все государства, которые вели войны, в том числе и демократические государства, всегда в зоне боевых действий вводят военное законодательство. Чтобы навести порядок и обеспечить управляемость, необходимо разработать военное законодательство единое для обеих республик, потому что между ними нет моря. А что касается настроения населения, здесь больше зависит даже не от местных лидеров, а непосредственно от России. Донбассу требуется срочная масштабная помощь. Россия просто обязана, исходя из своих традиций, из долга перед русскими людьми, которые оказались разделенными предательством девяносто первого года, оказать эту помощь. Там люди сражаются за Россию. Россия обязана защищать своих. Иначе она теряет смысл как государство.

С.Ш.: Вы переживаете за то, что не получился там крымский сценарий? Чувствуете какую-то свою ответственность?

И.С.: Естественно, я ощущаю полную ответственность за все, что сделал. Поэтому пытаюсь хоть чем-то помогать ополчению и республикам. Потому что понимаю свою роль во всем. Но чувства вины никакого не ощущаю. Я выполнял свой долг, как я его видел. И, несмотря на некоторые ошибки, считаю, что свой долг исполнил. А вот то, что имел место саботаж со стороны ряда государственных чиновников - это другой вопрос. И это в большей степени их вина, нежели моя.

С.Ш.: Я читал ваши стихи и вашу прозу. Нет ли влияния Николая Гумилева на вас?

И.С.: Вы знаете, я с удовольствием читал стихи Гумилева. Больше того, у меня даже было в юности стихотворение в подражание Гумилеву. Правда, мне не очень близка его какая-то запредельная нехристианская мистика. А в целом, конечно, он мне очень нравится. По-моему, из лучших поэтов серебряного века...

С.Ш.: Вы, конечно, читали книги, связанные с гражданской войной на юге России, в Донбассе... «Дроздовцы в огне» Туркула... С какими чувствами вы приехали на ту землю? У вас возникли исторические аллюзии?

И.С.: Да, конечно. Я читал ведь не только непосредственно воспоминания и мемуары. Я работал и с документами белых и красных соединений, которые действовали на этой территории, и, естественно, Волноваха у меня сразу проассоциировалась с последним наступлением Врангеля в Северной Таврии. С наступлением, в котором как раз участвовала Дроздовская дивизия Туркула. И Мариуполь тоже... Очень было много параллелей с 19-м годом. Весь этот район был в зоне действия армии Батки Махно. Конечно, вспоминались тяжелые бои 19-го, 18-го года, когда Донбасс переходил из рук в руки. Кстати, для меня вопрос, который еще не решен, что из себя представлял Славянский полк в составе армейского корпуса Слащева, того самого второго армейского корпуса, который насчитывал, согласно Слащеву, 100 штыков к моменту отступления в Крым. Было ли это название связано с именем города...

С.Ш.: Какая система власти вам ближе всего?

И.С.: Знаете, в моей системе ценностей существует такое понятие, нигде не реализованное на практике, возможно, являющееся вообще исключительно идеалистическим построением, - меритократия. Власть заслуг. Для того чтобы претендовать на политическую власть, нужно иметь заслуги перед страной, перед народом. Причем заслуги реальные, а не выдуманные. А у нас вместо реальных дел - имитация. Слишком многие попали во власть случайно, не благодаря своим действиям, а волею случая, где-то оказались троюродными бабушками двоюродного брата кого-то, или просто получили деньги и за эти деньги купили себе власть... Сейчас у нас, как и в позднюю советскую эпоху, все по законам Паркинсона: то есть все хуже, хуже и хуже. Система фильтров работает наоборот. По идее она должна пропускать лучших, самых способных... Но глядя на многих наших политиков можно констатировать, что серее, бездарнее и подлее может быть и не бывает.

Мы имеем дееспособного лидера страны, и прогнившую, никуда не годную в значительной своей части

элиту. То, что приемлемо в условиях мира, совершенно неприемлемо в условиях войны. А война России объявлена. И Новороссия – это только один из фронтов. И война не закончится газовыми соглашениями. Происходящее сейчас в Новороссии один к одному напоминает ситуацию в Книнской Краине образца 93-94-го годов.

Всякий, кто хоть чуть-чуть знает о том, что было там и тогда, а главное – потом, меня хорошо поймет.

Код для блога

Читайте еще

Рубрика | [Армия и войны »](#)

[Яндекс.Директ](#)

У наших партнеров

От имени:

